

и к его высшему благу свобода, по Канту, служит только средством.

Общественно-политическим идеалом является свобода каждого члена общества, совместимая со свободой всех.

¹ Надо сказать, что учение об идеальности времени служит Канту одним из важнейших устоев его философии свободы. Если время есть форма чистого созерцания, а не форма существования самих вещей, значит, предметы, данные в созерцании, должны считаться явлениями, «вещами для нас». «Идеальность» в кантовском понимании — это такое свойство времени, которое делает его условием существования только явлений, но не вещей, как они существуют сами по себе. Тем самым все вещи, принадлежащие сверхчувственному миру, в том числе свобода, освобождаются из-под власти времени.

² Примечательна характеристика, данная квантовой механике одним из ее создателей: «Она ввела странный вид физической реальности, который находится приблизительно посередине между возможностью и действительностью» (Гейзенберг В. Физика и реальность. Часть и целое. М., 1989. С. 16).

³ В свете сказанного кажется очевидным, что гневные возражения Гегеля — «разум не настолько бессилен, чтобы ограничиваться идеалом, долженствованием и существовать как нечто особенное, лишь вне действительности, неведомо где, в головах некоторых людей» (Гегель. Философия истории//Соч. М., 1935. Т. 8. С. 10) — неправомерно было бы отнести к этической концепции Канта.

⁴ Из констатации того, что счастье не проистекает необходимым образом из достоинства быть счастливым, не следует, будто бы, по Канту, «добродетель и счастье — две вещи несовместимые», как это представляется авторам нового учебного пособия «Введение в философию» (М., 1989. Ч. 1. С. 177).

⁵ Стреляный А. Всему свое//Лит. газ. 1990. № 1.

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ПРАКТИКИ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

Б. И. Липский

(Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой)

Новое мышление, освобождая человека от необходимости слепого послушания, заставляет его задуматься над мотивами своих поступков. Вновь становится актуальной проблема обоснования практического действия, проблема ответственности за его результаты. В этой связи неопределимое значение вновь обретают этические изыскания Иммануила Канта, посвященные исследованию нравственного закона, определяющего деятельность человека как свободного существа.

Свою теоретико-познавательную концепцию Кант строит, исходя из представления о непреодолимом дуализме «явления» и «вещи в себе». Характеризуя познавательные способности человека, он указывает, что «существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного, но неизвестного нам корня, а именно *чувственность* и *рассудок*: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» (3, 159).

Рассудок, согласно Канту, в принципе не в состоянии иметь дело с «вещью в себе» как она существует безотносительно к процессу познания. Единственная, «последняя» реальность, с которой он имеет дело, есть реальность чувственного восприятия, выступающая как тот материал, обрабатывая который рассудок продуцирует знание. Причем знание это относится не к вещи, как она существует сама по себе, а к «явлению», т. е. к тому образу, в котором вещь предстает перед нами как данная в ощущении.

По форме, как полагает Кант, всякое знание тождественно всякому другому, по содержанию же, по «материи», знание об *этом* объекте не тождественно знанию о *другом* объекте и столь же многообразно, как многообразны наши чувственные представления, которые «оформляются» в знание благодаря унифицирующей деятельности рассудка. Поэтому «бессмысленно требовать всеобщий материальный критерий истинности, который одновременно должен отвлекаться и не отвлекаться от всех различий объектов»¹. Что же касается всеобщего формального критерия, то этот вопрос для Канта не представляет затруднений, ибо «формальная истинность состоит всего лишь в согласии знания с самим собой, при полном отвлечении от всяких объектов вообще и от всех их различий»².

Формальная истинность, таким образом, оказывается бесполезной для практики, поскольку, будучи направленной на согласование знания с самим собой, ничего не говорит нам об отношении знания к предмету. Но и содержательная истинность также мало может помочь нам, поскольку, связанная с данным единичным предметом, она и оказывается отнесенной только к *этому* предмету и не может дать нам никаких общих рекомендаций. Действие же, направленное на отдельный единичный предмет и определяемое знанием его индивидуальных особенностей, не будет практикой в собственном смысле этого слова. Практикой, согласно определению Канта, «называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, которое мыслится как следование определенным, представленным *в общем виде принципам* деятельности» (4(2), 61).

Всякое рассудочное знание всегда обусловлено чувственно-конкретным материалом, который дается рассудку в эмпирическом опыте. Такое *обусловленное* знание, даже если оно является истинным, не может выступать в качестве рационального обоснования практической деятельности человека как свободного существа. Действие, осуществляемое в соответствии с таким знанием, является инициированным извне, выступает как ответ на аффектацию внешним предметом, т. е. вынужденное, *обусловленное* действие, свойственное скорее животному, чем человеку.

Истинное рассудочное знание может обеспечить более адекватную реакцию на внешнее воздействие, но все равно это

будет лишь реакция, лишь вынужденный ответ, обусловленный местом, временем и характером аффектации. Отличие от поведения животного будет в данном случае только количественным, а не качественным, поскольку отсутствует свобода самоопределения, т. е. то, что собственно и делает человека человеком, ведь «человеческую волю определяет не только то, что возбуждает, то есть непосредственно воздействует на чувства; мы обладаем способностью... преодолевать впечатления, производимые на наши чувственные склонности» (3, 659).

Кант ставит вопрос чрезвычайно остро, связывая исследование способности к познанию с исследованием способности к свободному самоопределению личности как сущностной характеристики человека. Как может человек, окруженный со всех сторон вещами предметного мира, преодолевать давление обстоятельств и совершать поступки, далеко выходящие за пределы простого реагирования на внешние воздействия? Что может служить обоснованием такого поведения, которое выводит человека из рабского подчинения эмпирической данности и делает его поистине свободным? Решение этих вопросов предполагает выявление такого обоснования практического поведения человека, которое было бы признано универсально-всеобщим принципом организации его свободной деятельности независимо от каких бы то ни было привходящих факторов, т. е. абсолютно *безусловного* обоснования.

Однако поиски такого обоснования связаны с немалыми трудностями. С одной стороны, теоретические принципы, которые мы могли бы обнаружить в сфере эмпирического опыта, неизбежно оказываются связанными с условиями этого опыта, поэтому «практические предписания, которые на них основываются, никогда не могут быть общими» (4(1), 341). С другой стороны, если мы предпримем поиски безусловного за пределами всякого возможного опыта, мы неизбежно утратим всякую связь с чувственным миром природы.

Кант видит выход в том, чтобы развернуть поиск на грани, разделяющей чувственный мир природы и сверхчувственный мир мысленных сущностей. «Если мы,— пишет он,— соединим требования избегать всяких трансцендентных суждений чистого разума с противоположным на первый взгляд требованием дойти до понятий, лежащих вне сферы имманентного (эмпирического) применения, то увидим, что оба эти требования совместимы, но только лишь *на границе* всего дозволенного применения разума» (4(1), 180).

В поисках этой границы рассудок ничем не может помочь нам, поскольку, «занятый лишь своим эмпирическим применением и не размышляющий об источниках своего собственного знания... он не в состоянии определить самому себе границы своего применения и узнать, что находится внутри или вне его сферы» (3, 301). Ограниченность рассудка преодолевается, по мысли

Канта, благодаря высшей способности мышления, которую он определяет как разум.

Рассудок, погруженный в мир чувственного опыта, перебирает один за другим предметы этого мира и ни в одном из них, естественно, не находит ничего безусловного. Теоретический разум, как бы приподнимаясь над плоскостью опыта, охватывает ее всю в целом и, обнаружив, что в ней и не может быть ничего безусловного, указывает нам, что его (безусловное) следует искать в другом месте, за пределами всякого возможного опыта. Причем теоретический разум способен лишь указать на то, что такие безусловные обоснования *могут* существовать; требовать же от него положительного знания об этих безусловных обоснованиях или хотя бы доказательства их существования — означает требовать невозможного.

Таким образом, ни рассудочное знание, охватывающее всю науку о природе, ни философия чистого разума, охватывающая всю теорию познания, не в состоянии обеспечить нам познание универсального закона, который мог бы быть положен в основу организации практической деятельности.

Поиски безусловного обоснования практических поступков приводят Канта к мысли о необходимости «разработать, наконец, чистую моральную философию, которая была бы полностью очищена от всего эмпирического и принадлежащего к антропологии... основу обязательности должно искать не в природе человека или в тех обстоятельствах в мире, в которые он поставлен» (4(1), 223). Мысль, заслуживающая внимания: практическое поведение человека должно определяться внечеловеческими и внеприродными факторами! Что же это за факторы?

Все природные объекты подчинены действующим в природе естественным законам. Человек, в той мере, в какой он является природным существом, также не является исключением. Однако, в отличие от всех природных объектов, человек наделен разумом и как разумное существо «имеет *волю*, или способность поступать *согласно представлению о законах*, т. е. согласно принципам» (4(1), 223). Но это «представление о законах», согласно которому человек определяет направление своей деятельности, не есть результат познания естественных закономерностей, содержащихся в истинном знании о природных объектах. Это представление о законах совершенно особого рода, о «законах свободы», которые «указывают, *что должно происходить*, хотя, быть может, никогда и не происходит; этим они отличаются от законов природы, в которых речь идет лишь о том, *что происходит*» (3, 660).

Вот эти-то «законы свободы» и служат, по мысли Канта, безусловным и объективным основанием для свободного самоопределения личности; поскольку же они безусловны, они должны «иметь силу для всех разумных существ и *лишь по-*

этому должны быть законом также и для всякой человеческой воли» (4(1), 265). Универсальность этих законов настолько широка, что все без исключения люди, охватываемые их действием, оказываются лишь ничтожно малой частью тех «разумных существ», поведение которых должно ориентироваться на представление об этих законах.

Поведение человека может быть моральным лишь постольку, поскольку он руководствуется представлением об этом универсальном законе и следует ему в своих поступках. Содержание поступков определяется всякий раз спецификой положения вещей и конкретизируется в отношении к объектам предметного мира. Но Канта мало интересует это конкретное содержание. Он стремится, минуя его, прийти к предельно общей, пригодной для всех людей, равно как и для всех мыслящих существ вообще, форме, в которой стирались бы все обусловленные уровнем исторического развития, классовый принадлежностью, полом, возрастом и т. д. различия между людьми и ситуациями, в которых им приходится действовать, к тому, чтобы за множеством всевозможных условий и обстоятельств, которыми человек пытается объяснить и оправдать те или иные свои поступки, увидеть единый универсальный принцип поведения *всякого свободного мыслящего существа*.

Однако такое стремление к предельной всеобщности перерастает у Канта в стремление к запредельному. Законы природы, поскольку они связаны со сферой возможного опыта, можно было, подведя явления под категории чистого теоретического рассудка, познать и доказать. С моральным же законом, поскольку он, относясь ко всем разумным существам, выходит за пределы человеческого опыта, дело обстоит иначе. «Здесь,— как полагает Кант,— дело не касается познания свойств предметов, которые посредством чего-то и где-то могут быть даны разуму... объективность морального закона не может быть доказана никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического, спекулятивного или эмпирически поддерживаемого разума... эта реальность не может быть подтверждена опытом, значит, не может быть доказана a posteriori, и все же она сама по себе несомненна» (4(1), 367).

Достоверность закона природы основана на том, что он выводится из опыта и обретает всеобщность в подведении его под категории чистого рассудка. Это достоверность систематизированного и целенаправленного научного познания. Но моральный закон не может быть ни выведен из опыта, ни подведен под категории рассудка, потому что уровень его всеобщности намного выше и опыта и рассудка. Он находится за пределами всякой науки, и поэтому убеждение в его достоверности не может следовать из рационального знания — достоверность этого закона должна опираться на нечто иное.

В своей «Логике» Кант указывает, что из исследований

о природе и видах признания истинности «мы можем вывести тот общий результат, что всякое наше убеждение бывает или *логическим*, или *практическим*»³. Логическое убеждение — это убеждение в истинности опирающегося на опыт научного знания. Практическое убеждение, которое, как считает Кант, «часто бывает тверже всякого знания..., есть *моральная вера разума*, которая одна только должна быть названа верой в собственном смысле и как таковая противопоставлена знанию и всякому теоретическому или логическому убеждению»⁴.

По существу, Кант утверждает наличие двух видов истин, обосновывающих и объясняющих практическое поведение человека: истины рационального знания и истины моральной веры, каждая из которых обладает своей, достаточно четко ограниченной областью применения. Истина рационального знания дает нам представление о том, что и как происходит в мире явлений, раскрывает условия, в которых осуществляется деятельность человека. Но представление о том, что я как человек, как свободное мыслящее существо *должен делать* в этих обстоятельствах, чтобы мое поведение было нравственным, я получаю только благодаря истине моральной веры. Поэтому и получается, что, с одной стороны, теоретического разума «недостаточно, чтобы... решить важнейшие предлагаемые ему задачи... даже с помощью величайшего познания природы» (4 (1), 482), а с другой — моральный долг «не нуждается в какой-либо поддержке теоретического мнения..., чтобы полностью обязать нас к безусловно законосообразным поступкам» (4 (1), 478).

Таким образом, познание и практика в системе Канта оказываются разорванными и выступают как самостоятельные, различным образом детерминированные области человеческой деятельности. Познание осуществляется посредством рассудка, опирающегося на опыт, тогда как практическая деятельность направляется разумом, опирающимся на чистую моральную веру. Кант не отказывается от возможности обнаружения общезначимых принципов организации человеческой деятельности. Он отрицает лишь возможность выведения и обоснования таких принципов из рационального познания мира.

Истина рассудочного знания, согласно Канту, не может выступать ни основой организации взаимодействия людей, ни оправданием тех или иных поступков отдельного человека. Рациональное знание, вырастающее из эмпирического опыта, в лучшем случае может указать человеку, какое поведение могло бы быть *полезным* ему в той или иной конкретной ситуации. Но никакое рациональное знание не может помочь ему организовать свою жизнь так, чтобы она оказалась *достойной* человека как нравственного существа, обладающего свободной волей. В практическом поведении, в отношениях с другими людьми, чтобы они были безусловно нравственными, полезное

должно быть безоговорочно подчинено достойному, как *условное — безусловному*. Следовательно, рациональное знание должно быть подчинено моральной вере, понимаемой как «моральный образ мышления разума при его убежденности в том, что недоступно теоретическому познанию... без веры моральный образ мыслей... колеблется между практическими велениями и теоретическими сомнениями» (5, 511—512).

Что приводит Родиона Раскольников на грань безумия? Ведь убийство старухи-процентщицы было прекрасно обосновано доводами рассудка. Оно представлялось Раскольникову «полезным» не только для него лично, но и для множества людей, которых он мог бы облагодетельствовать благодаря старухиным деньгам. Раскольников пишет даже теоретическую статью, оправдывающую подобное убийство рациональными аргументами. Но после реального совершения поступка никакие рациональные аргументы уже не могут вернуть ему утраченного душевного равновесия. Непримируемое противоречие разума и совести разрывает его сознание. Почему?

Потому, сказал бы, пожалуй, Кант, что Раскольников дерзнул *действовать* на основании чисто рассудочной аргументации, применил в практике выводы, полученные из анализа эмпирического опыта, сочтя «полезность» поступка достаточным основанием для его совершения и не подумав о том, будет ли этот поступок достойным человека. Сам Кант абсолютно уверен в том, что «все эмпирическое не только совершенно непригодно, как приправа к принципу нравственности, но в высшей степени вредно для чистоты самих нравов; ведь в нравах подлинная и неизмеримо высокая ценность безусловно доброй воли как раз в том и состоит, что принцип [совершения] поступков свободен от всех влияний случайных причин, которые могут быть даны только в опыте» (4(1), 226).

Все усилия человека, направленные на достижение согласования «голоса рассудка» с «велением долга», оказываются тщетными, так как всеобщность моральных императивов не может быть обоснована всем содержанием знания, полученного из эмпирического опыта. Ограничив сферу познания исключительно областью явлений, Кант вполне последовательно «превратил мотивированные определения воли... в чистые самоопределения *«свободной воли»*, воли в себе и для себя»⁵. Но в то же время, вынося происхождение и функционирование нравственного закона за пределы рассудочного мышления, Кант, по существу, утверждает, что никакие рассудочные аргументы не в состоянии отменить универсальные требования морали, которая, несмотря ни на что, остается предельным обоснованием практического поведения человека.

В какой бы сфере ни разворачивалась деятельность человека, если она так или иначе связана с его отношением к другим людям, она должна быть соотнесена с этим предельным

основанием, потому что только общечеловеческие принципы морали могут быть единственным критерием поведения, достойного человека. Ни экономическая эффективность, ни политическая конъюнктура, ни молодость или глупость, ни «дух времени», когда: предложили — выступил, — ничто не может снять с человека всей полноты нравственной ответственности за каждый его поступок, пока он остается свободным мыслящим существом. Вот эта мысль, содержащаяся в этических рассуждениях Иммануила Канта, оказывается удивительно созвучна идеям современного нового мышления.

¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 358.

² Там же.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 379—380.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 184.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ У КАНТА

С. В. Корнилов

(Калининградский государственный университет)

Исследование структуры научного знания, осуществленное в «Критике чистого разума», привело Канта к заключению, что бесконечное многообразие эмпирических законов (открытых или тех, которые потенциально могут быть открыты) нельзя представить в виде простого агрегата, так как в противном случае была бы утеряна идея науки. В то же время у него возникло предположение, что высшая системная форма организации знания — органического типа и в ней идея целого предшествует частям. Образное сравнение единства научного знания с живым существом задавало направление поиску решения проблемы организации знания.

Однако логическая экспликация «организма» как модели единства научного знания оказалась совершенно недоступна тем познавательным способностям, которые детально анализировались в первой «Критике». Обосновать системную организацию знания было бы совершенно невозможно как из опыта, так и из рассудка. Первый путь привел бы к логическому кругу, поскольку принцип, призванный стать гарантом единства эмпирических законов, сам был бы эмпирическим. Этот принцип не мог быть выведен и из рассудка, так как в подобном случае происходило бы предписывание природе законов, определение ее объектов, что подменяло бы эмпирическое естествознание чистым, ликвидировало бы познание как процесс открытия природных законов. Значит, рассуждает Кант, систем-